

І. В. Грачова,

Харківський торговельно-економічний інститут Київського національного торговельно-економічного університету, м. Харків

ИНТЕРТЕКСТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЮЛИЯ КИМА

В рамках статьи изучено творческое наследие Ю. Кима. Анализируя многочисленные поэтические, драматургические и прозаические произведения Юлиа Кима, мы приходим к выводу, что для автора интертекстуальность является особым средством выразительности, которое подчеркивает особый художественный талант поэта и писателя. Ким мастерски вводит героев, аллюзии, крылатые фразы, фразеологизмы, поговорки, цитаты из оригиналов в свой текст так, что они приобретает новые очертания и смысл. Автор часто заимствует строки из детских, популярных песен, используя богатую игру слов и перифразы. Подражая своим друзьям-бардам, в частности А. Галичу, Юлий Ким непременно использует строки из оригинальных песен, изменяет их, переделывая их на свой лад. Переключки с классиками занимают в произведениях Ю. Кима значительное место. Страсть к стилизации пронизывает все творчество Ю. Кима, начиная с ранних испанских баллад, заканчивая «ремейками» классических произведений. Каждая новая версия классических сюжетов значительно отличается от первоначального варианта свежим острым взглядом автора на то, что происходит в стране, появлением новых персонажей, сюжетных линий, идей и акцентов. Поэт не просто подражает произведениям и использует цитаты классиков (Шекспира, Блока, Маяковского, Фонвизина, Гоголя, Войновича, Пушкина, Лермонтова), а полностью перерабатывает оригинальные тексты, создавая самостоятельные интерпретации, наполняя их новым смыслом.

Ключевые слова: литературное наследие, контраст, аллюзия, интертекстуализация, цитирование, интерпретация, реминисценция.

ИНТЕРТЕКСТ У ТВОРАХ ЮЛИЯ КИМА

У рамках статті здійснено комплексне дослідження творчості Ю. Кіма. Вивчивши численні поетичні, драматургічні та прозові твори Юліа Кіма, ми приходимо до висновку, що для автора інтертекстуальність є особливим засобом виразності, який підкреслює особливий художній талант поета і письменника. Кім майстерно вводить героїв, аллюзії, крилаті фрази, фразеологізми, прислів'я, приказки, цитати з оригіналів в свій текст так, що вони набувають нових відтінків і сенсу. Автор часто запозичує рядки з дитячих, популярних пісень, використовуючи гру слів і перифрази. Наслідуючи своїх друзів-бардів, зокрема О. Галича, Юлій Кім використовує рядки з оригінальних пісень, змінює їх, переробляючи їх на свій лад. Значне місце інтертекстуалізації і переключки з класиками займають в творах Ю. Кіма. Слід також зауважити стильову сприйнятливості поета, через що досить часто його твори приписували іншим авторам. Пристрасть до стилізації пронизує всю творчість Ю. Кіма, починаючи з ранніх іспанських балад, закінчуючи «ремейками» класичних творів. Кожна нова версія класичних сюжетів значно відрізняється від первісного варіанта свіжим гострим поглядом автора на те, що відбувається в країні, появою нових персонажів, сюжетних ліній, ідей і акцентів. Поет не просто наслідує творам і використовує цитати класиків (Шекспіра, Блока, Маяковського, Фонвізіна, Гоголя, Пушкіна, Лермонтова), а повністю переробляє оригінальні тексти, створюючи самостійні інтерпретації, наповнюючи їх новим змістом.

Ключові слова: літературна спадщина, контраст, аллюзія, інтертекстуалізація, цитування, інтерпретація, ре-мінисценція.

INTERTEXT IN WORKS BY YULIY KIM

Within the framework of the article literary works of different genres by Yuliy Kim have been thoroughly examined. After studying numerous poems, plays and prose by Y. Kim, we conclude that the intertextuality is a special means of expression that emphasizes writer's particular artistic talent. Intertextuality takes significant place in the works by Y. Kim. The poet introduces the characters, allusions, catch phrases, idioms, proverbs, quotations from the original texts into his works so they acquire a new shape and meaning. The author often borrows lines from nursery rhymes and popular songs using word-play and paraphrases. Imitating his fellow-bards, in particular, A. Galich, Y. Kim uses lines from original songs, changes them, altering in his own way. It should also be mentioned stylistic sensitivity of the poet. The passion for styling is typical for works by Y. Kim, beginning with the early Spanish ballads, ending with «remakes» of classics. Every new version is significantly different from the original version. The author changes the appearance of new characters, storylines, ideas and accents. The poet does not simply imitate the works and uses quotes from the classics (Shakespeare, Blok, Mayakovsky, Fonvizin, Gogol, Pushkin, Lermontov). Y. Kim transforms the original texts completely, creating his own interpretation, filling them with new meaning.

Key words: literary heritage, contrast, allusion, intertextuality, quoting, interpretation, reminiscence.

Актуальним вопросом в литературоведении является интертекстуальный анализ текстов песен бардов. В научных работах доказываются, что центральные традиции русской классики, культуры и фольклора находили отражение в творчестве поэтов-бардов. Однако бардовская песня не только перенимала опыт классиков, но и значительно обогатила их наследие своей поэзией. Исследователи считают, что авторская песня продолжает традиции поэзии Серебряного века, обнаруживая переключки произведений А. Галича и А. Ахматовой, песен В. Высоцкого и поэзии А. Блока и В. Маяковского, М. Цветаевой и Б. Окуджавы.

Исследователи творчества Ю. Кима также находят, что для произведений поэта характерна склонность к стилизациям и «переключкам» с классиками. Критики отмечают «прикосновение» к оригиналам как полную переработку материала и создание новых самостоятельных произведений. Генезис творчества Кима литературоведы возводят к А. Толстому, Саше Черному, Козьме Пруткову, русскому народному творчеству, застольным песням. Некоторые исследователи проводят параллели между литературным наследием Кима и произведениями А. Вертинского, В. Маяковского, Д. Самойлова, Д. Давыдова, Н. Олейникова, Д. Хармса, Ф. Искандера, А. Володина, В. Шекспира и А. Пушкина.

Т. Бек отмечает переключку ранних песен поэта с творчеством Дж. Байрона, А. Грибоедова, А. Чехова и А. Пушкина. Критик отмечает особую любовь Кима к классике: он легко соединяет «детали нынешнего дня с классическими реминисценциями» [2, с. 273]. Истоки творчества Кима исследователь возводит к поэтам круга А. Толстого и обэриутам, от которых тот унаследовал умение «без форсирования укрупнять мелочи, пустяки, «сор», одомашнивать классику и делать фактом литературы домашнюю эпиграмму, дружеское послание, выводя их из быта в поэзию» [2, с. 273]. Литературовед находит переключку поэмы «Московские кухни» с романом Ф. Достоевского «Бесы» и поэмой «Двенадцать» А. Блока. А. Гершкович также отмечает в творчестве Кима большое количество цитат, ссылок, переключек с произведениями В. Тредиаковского и М. Лермонтова [6]. Л. Аннинский находит переключки песен Ю. Кима с произведениями Н. Матвеевой и А. Городницкого [1].

Целью статьи является рассмотреть элементы интертекстуализации в произведениях Юлия Кима.

Примеры интертекстуализации в виде аллюзий встречаются уже в ранних произведениях Юлия Кима. Так, подражая Ю. Визбору, Ю. Ким в песне «Братская ГЭС» затрагивает тему дружбы. Песня Кима непосредственно перекликается с песней «Бегут, бегут, бегут колеса», Визбора. Ким переиначивает строчки, сочиняя несколько своих вариаций. Оригинальная строка «Давай закурим папиросу / И песню начнем. / Про то, как разные дороги приводят к одной» [5, с. 35] превращается в анафору: «Давай закурим пачку папирос, Давай закурим от единой спички, Давай закурим – вот моя рука» [9, с. 61].

Интертекстуальностью пронизаны практически все песни-подражания автора. В строках Кима «Это наши физики на пари / Крутанули разик наоборот» [9, с. 85] есть явное заимствование из песни «Про маляров, истопника и теорию относительности» А. Галича: «Это гады-физики на пари, / Раскрутили шарики наоборот» [6, с.11]. Кроме того слышна перекличка песен в следующих моментах: Ким, как и Галич, ведет повествование от первого лица множественного числа, заканчивает рассказ встречей друзей за столом. Читаем у Галича: «Чувствуем с напарником – ну и ну, / Ноги прямо ватные, все в дыму, / Взяли «жигулевского» и «дубняка» [6, с.11]. Вариант Кима: «Мы переглянулись – и в Главлит: / А там все по-прежнему, – ну и ну!.. / Мы сложились с Галичем на пять поллитр» [9, с. 85].

В песне «Облака плывут, облака...» Ким также подражает песне А. Галича «Облака». Безысходность, грусть и тоска пронизывают строки стихотворения в оригинале: «Облака плывут в Абакан, / Не спеша плывут облака. / Им тепло небось, облакам, / А я продрог насквозь, на века!» [6, с. 24]. Подражая А. Галичу, Ким оставляет неизменным начало песни и ее настроение. Ким изображает Галича-изгнанника сидящим в самолете и принявшим вместо «терновника» и «гвоздей» «серебристый крест «эйр вей»» [9, с. 102]. Автор передает чувства Галича, вынужденного покинуть родину: «Облака плывут, облака, / На закат плывут, на восход... / Вот и я плыву на закат, / Вот и мой черед, мой исход. / Нету выхода, кроме – плыть» [9, с. 102].

Цитирования и переиначивания встречаются во многих политических песнях Юлия Кима. Так, в «Исторической перестроечной» песне поэт затрагивает тему гласности, перефразируя строки из сказки «Мойдодыр» К. Чуковского: «Они сразу к нам придут / И прижучат, и прищучат, / И ногами застучат» [9, с. 133]. В «Сказании о Петре Якире» поэт перефразирует рефрен детской песенки, используя игру слов («Вот компания какая, / Вот кампания какая / Была проведена!»). Поэт намекает на заключение Петра Якира: «Волоки в тюрьму kota, / Чижика, собаку, / Петьку-забияку» [9, с. 51]. Следует отметить, что любовь к переосмыслению популярных, а также детских песен являлась одним из любимых приемов и А. Галича. Сравним песню Кима с шутливо-пародийным стихотворением Галича «Чехарда с буквами»: «В Колокольном переулке жили-были А, И, Б», буквы впоследствии «забрали», «А – пропало навсегда, / Б – пропало навсегда, В – пропало навсегда» [6, с. 104]. Очевидно, что поэты говорят об одном и том же – о трагической картине советского времени, когда гибли невинные беспомощные перед властями люди.

В песне «Адвокатский вальс», характеризующая правосудие во времена «застоя», поэт перефразирует фразеологизмы и крылатые фразы «луч света в темном царстве» («луч света в крошечной ночи») и «шить белыми нитками» («белые нитки видать») [9, с. 87]. В песне «Разговор скептиков и циников» используются параллелизм: поговорка «Тише едешь – дальше будешь» в сочетании с игрой слов – «Не обманешь – не продашь». Помимо этого, мы находим трансформированную цитату из гимна Российской Империи «Боже, царя храни!»: «Боже, ЦК храни!» [9, с. 64]. В песне-письме «ЦК КПСС от отдельных представителей некоторой интеллигенции приватное письмо» Ю. Ким использует измененный припев из советской песенки про геологов из кинофильма «Испытание верности»: «Пишите нам, пишите по новым адресам»: «Пишите нам, пишите, / А мы прочтем, прочтем!.. / И снова перечтем, / И сами все напишем, / И вышлем, и пошлем» [9, с. 66].

Любовная лирика Ю. Кима также полна аллюзий, цитат и перекличек с классиками. Находясь на Камчатке и не имея возможности поехать к любимой, Ким пишет стихотворение, в котором полностью цитирует первые строки «Узника» Лермонтова: «Отворите мне темницу, / Дайте мне сиянье дня, / Черноглазую девицу, / Черногривого коня». Непосредственная цитата, примененная Кимом, подчеркивает огромное желание вырваться на свободу. Ким чувствует себя заключенным, ведь он хочет приехать к своей невесте в Москву, не откладывая свое счастье ни на минуту: «Отворите мне темницу! / Дайте мне сиянье дня! / Белокаменную столицу! / Черноглазую девицу! / Ведь она там ждет меня!» [11, с. 132-133]. Спустя много лет Ким признается супруге в любви в стилизованном под «Я вас любил» стихотворении «Я вас люблю». В отличие от Пушкина поэт употребляет настоящее время. Перефразируя слова классика, автор сравнивает любовь Ирины со своими песнями, без которых его жизнь была бы невозможной и бессмысленной: «Я тем живу, что песни сочиняю, / И тем живу, что вами я люблю» [9, с. 158].

Диалог интертекстов встречается и в дневниковой прозе автора. Например, в очерке «Грус. Записки из полумертвого дома», написанном в связи с делом А. Д. Сахарова, очевидна перекличка очерка Кима с романом Достоевского «Записки из Мертвого дома». Для Кима полумертвый дом, в котором находится сам автор и вся страна, является чем-то средним между каторгой и свободой, ведь при «кажущейся вседозволенности» «переход из чистенькой московской квартиры в медвежью каторжную нору по-прежнему краток» [9, с. 340]. Писатель, повторяясь за оригиналом, упоминает «внезапные обыски», при которых «отбиралось все запрещенное» [8, с. 220]: «Каждую минуту ОНИ могут войти сюда» [9, с. 337]. Ким, как и Достоевский («против внутренних уставов и принятых обычаев острога никто не смел восставать, все подчинялись»), обвиняет себя и окружение в трусости, в бесконечном непреодолимом страхе перед властью [8, с. 214].

Драматургические произведения Юлия Кима большей частью являются инсценизациями классических произведений, поэтому автор часто прибегает к элементам интертекстуальности, «играя» с оригинальными текстами. В числе своих самых любимых драматургических произведений Ю. Ким называет пьесу «Патруль» по мотивам «Двенадцати» Блока. Основное отличие «Патруля» от оригинала – восприятие революции авторами. Блок видел в ней потенциал для создания нового общества. Ким в дисгармонии гражданской войны, которую автор оригинала стремился сделать гармоничной, слышал только какофонию.

Несмотря на разницу двух произведений, между ними можно найти много общего не только в сюжете, но и в тексте. Например, Ким заимствует сюжетную линию любовного треугольника (Петька – Катька – Ванька), которая заканчивается гибелью героини. В «Патруле» изображается конфликтная ситуация между белым солдатом и матросом, возлюбленным Катьки, которого она впоследствии оставляет за то, что тот убил белогвардейца.

Вместе с тем Ким, как и Блок, придает большое значение контрасту, начиная свое произведение, так же как и оригинальное: «Черный вечер. Белый снег». Поэмы заканчиваются встречей «палачей» и Иисуса Христа. Однако у авторов этот образ имеет различные значения: для Кима – это возмездие, кара красноармейцам за грехи (многочисленные убийства, ограбления церквей), спасение, которое Старуха в отчаянии призвала: «Приди, Господи, приди! / Протяни руку светлую!» [10, с. 67]. Автор осуждает патруль, а вместе с ним и революцию, описывая состояние людей, стоящих перед Судом: «И вот стоят они – лицом к лицу с Господом: в гневе, в тоске, в страхе, в надежде. Не в силах покаяться» [10, с. 68]. Образ

Иисуса в «Двенадцати» неоднозначен. Христос противопоставляется псу-волку, который гонится за патрулем. Иисус поддерживает революцию, воплощая гармонию и простоту, к которой стремятся герои. Блок сравнивает Христа с псом: «Он совсем не такой: маленький, согнулся как пес сзади» [4, с. 453].

Второстепенные герои в «Патруле» переключаются с оригиналом: писатель-вита у Блока – Поэт у Кима, Старуха у обоих авторов, коллективный собирательный образ – Двенадцать и Патруль, единственным персонажем переключенным образом в котором является Петька, хотя упоминается мельком еще один большевик (Андрюха у Блока, Парень – у Кима). В обеих поэмах можно услышать многоголосье народа, который повторяет: «Погибла, Россия, погибла».

Позаимствовав содержание произведений Пушкина, Ю. Ким пишет сказку «Русалка на ветвях». Поэтическая смелость уводит автора от обычной стилизации, имитирования или оснащения оригинального сюжета песенными текстами. В произведении знакомые сюжеты меняются, а в известных персонажах раскрываются новые грани. Поэт смешивает оригинальные тексты и героев: Ученый Кот, Леший, Баба Яга, Черномор, Русалочка, Королевич, Царь-Девушка, Бурый Волк, Грозный Царь, Царь Кошей. Главный герой по дороге к спящей Русалке на коралловых ветвях встречает Лешего, двух Черноморов и Кота ученого. Полупародийный сюжет перемешан: красавицу поэт не поцелует, поэтому девушку разбудит ее отец Черномор. У Кима вещей Олег собирается не «отомстить неразумным хозарам» [12, с. 106], а идет «в поход за русалкой прекрасной» [10, с. 385]. В словах Хора слышно явное заимствование из стихотворения Пушкина «Зимняя дорога»: «Что-то слышится такое / Непонятное пока: / То ль разгулье удалое, / То ль сердечная тоска...» [10, с. 373].

В напутственном слове для главного героя, которое начинается с цитаты «Вставай, поэт! И виждь, и внемли!», очевидна тематическая соотнесенность с «Пророком» Пушкина. Ким, как и его предшественник, показал свое представление о миссии поэта, однако их взгляды значительно отличались. Стихотворение Пушкина, написанное после восстания декабристов, было воспринято обществом как политический демарш, а призывом поэта, по мнению классика, являлось «глаголом жечь сердца людей» [12, с. 339]. Ким же подчеркивает свою пацифистскую позицию, отмечая, что творчество поэта важно само по себе «для звуков сладких и молитв и вдохновенья», а «не для корысти, не для битв» [10, с. 434].

В пьесе «Сказка Арденского леса» Ким перефразирует знаменитое утверждение Шекспира о том, как театр связан с настоящей жизнью человека: «К чему играть спектакли, / Когда весь мир – театр / И все мы в нем – актеры?» [9, с. 165]. В то время как Шекспир говорит о ролях, которые человек играет на протяжении своей жизни, начиная с ребенка и заканчивая стариком, Ким имеет в виду социальные и общественные роли.

В музыкальной притче «Еврей Апелла» по мотивам фрагмента из романа Л. Фейхтвангера «Иудейская война» Ким вольно переводит Псалом 136 из Псалтыри [3, с. 591] – печальную песнь евреев, которых изгнали из Израиля в Вавилон (в иудейской версии Библии соответствует Псалму 137). Сравним с оригиналом: стих I «При реках Вавилона, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе» соответствует строке Кима: «Там, возле рек вавилонских, / Как мы сидели и плакали» [9, с. 231]. Строка стиха II «На вербах, посреди его, повесили мы наши арфы» отвечает «Там, над плавучею ивой, / Арфы свои изломали мы, / Струны свои изодрали мы...» Кима [9, с. 231]. Несколько значительнее отличия между стихом III «Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши – веселья: «пропойте нам из песней Сионских»» и «К нам приходили смеяться: / «Что вы сидите и плачете? / Что не поете и пляшете?»» [9, с. 231], однако непременно слышна главная мысль оригинала. Стих IV «Как нам петь песнь Господню на земле чужой?» отдаленно переключается со строкой «Там, возле рек вавилонских, / Нет нам покоя и радости» [9, с. 231]. Поэт перефразирует стихи V, VI, IX «Если я забуду тебя, Иерусалим, – пусть отсохнет десница моя. Прилипни язык мой к горнати моей, если я не буду помнить тебя... Блажен тот, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень» в рефрене «Жив я единственной памятью. Пусть задохнусь и ослепну, / Если забуду когда-нибудь / Камни, объятые пламенем, / Белые камни твои» [9, с. 231]. Несмотря на явные заимствования, цитирование и переключки с оригиналом, новая версия Кима является свежей поэтической интерпретацией библейского текста, адаптированной и актуальной для современной аудитории.

Таким образом, изучив многочисленные поэтические, драматургические и прозаические произведения Юлии Кима, можно прийти к выводу, что для автора интертекстуальность является особым средством выразительности, которое подчеркивает особый художественный талант поэта и писателя. Ким мастерски вводит героев, аллюзии, крылатые фразы, цитаты из оригиналов в свой текст так, что они приобретает новые очертания и смысл.

Литература:

1. Аннинский Л. Барды / Л. Аннинский. – М.: Согласие, 1999. – 164 с.
2. Бек Т. Единственный выбор: О Юлии Киме // Ким Ю. Творческий вечер: Произведения разных лет. – М., 1990. – С. 270–278.
3. Библия. – М.: Российское библейское общество, 2002. – 1376 с.
4. Блок А. Стихотворения и поэмы / А. Блок. – Минск: Маст. лит., 1989. – 462 с.
5. Визбор Ю. «Я сердце оставил в синих горах» / Ю. Визбор. – Изд. 3-е, доп. – М.: Физкультура и спорт, – 1989. – 591 с.
6. Галич А. А. Сочинения / А. А. Галич. – М.: Локид, 1999. – 509 с.
7. Гершкович А. «Бедный театр» Ю. Кима / А. Гершкович // Театр. жизнь. – 1992. – № 13–14. – С. 2–4.
8. Достоевский Ф. М. Собрание соч. В 15-ти томах. Т. 3 / Ф. М. Достоевский. – СПб.: Наука, 1988. – 576 с.
9. Ким Ю. Белеет мой парус / Ю. Ким. – М.: Локид-Пресс, 2002. – 448 с.
10. Ким Ю. Моя матушка Россия / Ю. Ким. – М.: Время, 2003. – 480 с.
11. Ким Ю. Однажды Михайлов / Ю. Ким. – М.: Изд-во Время, 2004. – 496 с.
12. Пушкин А. С. Пушкин. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. II. – 339 с.

УДК 821.111-312.2

Т. В. Жаданова,

Харківська Національна академія Національної гвардії України, м. Харків

ОСОБЛИВОСТІ ВИВЧЕННЯ Й ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ТВОРІВ К. С. ЛЬЮІСА

У статті розглядаються підходи до вивчення, трактування та інтерпретації творів К. С. Льюїса у вітчизняному та зарубіжному літературознавстві. Виділено основні шляхи дослідницької думки та напрямки вивчення як художньої, так і теоретичної спадщини видатного англійського письменника.

Ключові слова: *християнська проблематика, жанрові риси, феномен християнського фентезі, стиль, інтерпретація, алегоричні мотиви, «трилема Льюїса».*